

Иван Гобзев

РАССКАЗЫ

ПОДКЛЮЧЕННЫЙ

Человек так устроен, что ему все лень. Так было всегда, и лишь с помощью огромных противоестественных усилий он приучил себя к работе. Но стоит немного отвлечься, забыться, как тут же опять обнаруживаешь: о боже, как мне лень! Это хорошо понимали первобытные люди, поэтому у них существовал такой принцип: человек не должен отвыкать от работы. Всегда что-то делай, каждый час, каждую минуту. Расслабишься, забудешься, утратишь привычку к труду — и снова придется преодолевать сопротивление своей природы.

Я думаю, что дело на самом деле еще сложнее. Даже сейчас, когда я лежу перед монитором, я вдруг с удивлением обнаруживаю, что мне лень совершать самые обычные операции. Открывать папки, перемещать файлы, писать коды, вводить пароли. Я чувствую, что моя природа восстает против этого, я хочу, чтобы все совершалось одним усилием мысли. То есть подумал о том, что тебе нужно, и вот — оно и происходит.

Рука не хочет водить по экрану, голова поворачиваться, а глаза смотреть. Такова природа. Им лень. Значит, все правильно — есть на самом деле у эволюции цель. Это торжество разума над телом. Все телодвижения излишни и утомительны, мы не хотим их делать. Мы хотим удовлетворять свои потребности с помощью одной только мысли.

Достаточно подумать: «Открыть! Переместить! Налево! Направо!» — чтобы происходило то, что требуется.

Хотя и такое мысленное усилие излишне. Искусственный интеллект должен предугадывать, предвосхищать и соединяться с человеческим сознанием, чтобы желание, выраженное одним лишь намеком, мысленной интенцией, воплощалось.

Симбиоз человеческого сознания и искусственного интеллекта — это и есть венец эволюции. Вершина уже достигнута, мы находимся на пике совершенства, хотя не все еще понимают. Эта вершина называется «Мир миров». Чудесная программа виртуальной реальности, созданная человеческим гением и превзошедшая его, теперь стала частью нашей жизни, частью нашего разума.

Мне смешны те дураки, которые выступают против «Мира миров» и призывают к полноценной жизни в реальном мире. Нет виртуальной реальности — она не существует! — кричат они с пеной у рта на улицах, тащась со своими жалкими и нелепыми транспарантами. Уже тот факт, что они вышли на улицу выть, размахивать руками и вести себя, как варвары, вызывает сомнения в их лозунгах. «Это — то, что вы сейчас вытворяете — и есть «полноценная» жизнь?» — хочется мне спросить у них. Но они не понимают.

Они хотят страдать, болеть, рано умирать. Это у них называется наслаждаться. «Будь активен, веди здоровый образ жизни!» — пропагандируют они, призывая к занятиям спортом. И вот сотни тысяч дебилов идут в тренажерный зал, встают на беговые дорожки, потеют, кряхтят и считают каждую секунду, мечтая, чтобы побыстрее закончилась эта пытка. Ворочают железо, плавают в бассейне, терзают себя изо всех сил, делая вид, что получают удовольствие. На самом деле это способ убить время, причем наилучший. Я хорошо это знаю, потому что и сам когда-то занимался подобными вещами.

Каждое мгновение на беговой дорожке ты жаждешь, чтобы бег закончился. Ты пытаешься отвлечься, но не можешь, все твои мысли крутятся вместе с полотном. «О боже, — думаешь ты, — вырubi мои мозги!» Время потрачено зря — час-два выпали из дня, причем проведены они были в мучениях. И это «полноценная» жизнь!

Все же дело в том, что жизнь — это страдание. Потому что она требует постоянных усилий. Она заставляет делать то, что делать не хочется. Человек должен только мыслить, все остальное — унижает его природу. «Мир миров» освобождает от страданий. Все просто: в «Мире миров» ты всем управляешь лишь усилием мысли. Это и усилием-то назвать нельзя, потому что программа предугадывает желания.

Я с горечью думаю о бесконечных поколениях лесорубов, фрезеровщиков, офисных сотрудников, которые изо дня в день, из года в год вынуждены были насиловать себя. Я и сам работал в офисе. Мучения начинались с самого утра. Во-первых, не хотелось вставать с кровати. Даже не потому, что не выспался. Просто лень. Сам факт вставания — это нудное, унылое, бессмысленное усилие. Дальше — убери постель. Потом почисть зубы, прими душ, причешись, оденься, приготовь завтрак... И вот, как снежный ком, тяжкий груз ежедневных повинностей нарастает со страшной скоростью. Не прошло и часа со сна, как ты уже превратился в жалкого раба обыденности. Ты засыпан кучей мусора множества дел, они давят на тебя, не дают дышать, ослепляют, пряча под собой мир.

В офис ты уже приезжаешь не человеком, а роботом, который реализует заложенную в него программу. Но если ты все-таки еще не окончательно превратился в робота, если еще в твоей стальной груди с электросхемами теплится огонек жизни, то разум твой бунтует. Ты берешь мышку и еле тащишь ее по столу, как неподъемную тачку с камнями, ибо тебе лень. Природа твоя восстает против насилия. Ты не хочешь этого делать.

Но большинству удается усыпить свое разумное начало, превратившись в роботов. У них ничего уже не теплится, они — консервные банки, игровые автоматы, заводные игрушки. Даже хуже. Однажды в музее я увидел интересный раритет — деревянные счеты. Их использовали в старину, чтобы считать. Такой примитивный калькулятор, тяжелый и медленный. Так вот, офисные сотрудники, вжившиеся в роль, трагичностью своего бытия напоминают мне эти деревянные счеты.

Но если жива в тебе душа, ты не сможешь работать, потому что каждое мгновение она будет протестовать против происходящего.

Я уже давно подключился к компьютеру. Пока не к «Миру миров», нет, но скоро собираюсь. Я неподвижен, в мою нервную систему вживлены микросхемы, из меня торчат провода, и даже в голове какой-то штырь. Меня буквально «соединили» с процессорами и серверами. За свое согласие участвовать в проекте я получу бесплатную возможность подключиться к «Миру миров», подлинному миру, в котором реальность такая, какая ты хочешь, и все управляется твоей мыслью в союзе с искусственным

интеллектом. Там я не буду знать, что обездвижен, я даже не буду помнить об этом мире. Там я смогу летать, вытворять все, что захочется, и мир все время будет подстраиваться под мои ожидания. И главное — я стану, как и многие другие уже, свободен от необходимости что-то делать. Я буду только мыслить, воображать деятельность.

А пока ребята из «Мира миров» ставят на мне свои эксперименты, я жду. И уже сейчас, должен сказать, мне лучше, чем раньше. Стоит мне о чем-то подумать, захотеть, как это происходит — питание, чтение, развлечения, сон, общение. Конечно, есть ограничения, но в «Мире миров» будет круче, там уж без ограничений.

— Не совсем так, — говорит мне инженер рядом со мной.

Я могу видеть его только краем левого глаза, потому что сетчатка правого залеплена чем-то вроде силикона. Он все мои мысли читает на мониторе и иногда вступает со мной в беседу — когда ему удастся расшифровать поток моего сознания. Он в белом халате, с черной крашеной бородой, глаза очень умные. Записывает что-то в планшет. Похож на врача.

— Не совсем так. Я думаю, будущее за такими, как ты. В том смысле, что «Мир миров» — это да, круто, виртуальная реальность, но не все захотят и смогут туда. Кто-то же должен обеспечивать работоспособность реального мира. Если все уйдут в «Мир миров», кто останется, чтобы следить за ним? Поэтому со временем большая часть людей подключится, как ты сейчас, чтобы всем управлять. А «Мир миров» будет как поездка в отпуск, на каникулы, отдых.

Я с ним не согласен. Когда я буду подключаться к «Миру миров», то уж навсегда. Так, чтобы все забыть, начать жизнь сначала в том мире, о каком я мечтал с самого детства.

Признаюсь, бывает мне не по себе. По ночам. Сплю я мало, потому что все время лежу и, можно сказать, отдыхаю. И вот тогда становится немного тоскливо. Персонала нет, только дежурный где-то в приборной, но я его никогда не вижу. Справа от меня мониторы с непонятными графиками и цифрами, слева просторное помещение лаборатории, двери, уходящие вдаль коридоры. На ночь оставляют включенной одну аварийную лампу, она дает красный тусклый свет, как, наверно, в бомбоубежище или в хранилище с ядовитыми химикатами. Но я не химикат,

я человек, и поэтому меня, как бы это сказать, смущает эта лампа. Мне с ней неуютно.

Днем здесь ходит много людей, и когда мне надоедает серфить по просторам мировой сети и виртуальным мирам и ставить всякие необычные эксперименты, я наблюдаю левым глазом за происходящим в лаборатории. Сотрудники всегда чем-то заняты, много разговаривают, поглядывают на меня. Мне нравятся их серьезные умные лица. Иногда они смеются и шутят, и тогда я тоже хмыляюсь, хотя не знаю, о чем у них речь.

Последней уходит уборщица. Большая усатая женщина с мощными руками. Она моет пол бесшумным пылесосом, не обращая на меня никакого внимания. Ее шаги тяжелы и крепки, глядя на нее, я представляю гладиатора с трезубцем и сетью. Со стороны может показаться, что работает она хаотично, но я видел ее столько раз, что знаю — это не так. Каждый раз она моет пол лаборатории в одном и том же порядке, за одно и то же время. И совсем не похоже, что ей лень, скорее всего, она даже не думает ни о чем.

Закончив, она поднимает пылесос левой рукой и неторопливо уходит. У самого выхода она всегда говорит гулким басом, не останавливаясь и не оборачиваясь:

— Спокойной ночи, больной!

Из этого я заключаю, что раньше она работала в больнице, и поэтому не обижаюсь. Я не больной. Я участвую в важнейшем эксперименте.

И вот, когда я остаюсь один, делать совсем нечего. Скучно. Как только подключусь к «Миру миров» скучать, конечно, не придется. Я сразу окажусь в гуще увлекательных и удивительных событий. Мы скучаем, потому что этот мир не оправдывает наших детских надежд. Уже где-то лет в 10–12 человек начинает догадываться, что сказки навсегда останутся только сказками. Но «Мир миров» их оправдывает. Там свершаются все заветные мечты.

Я так лежу, что совсем не вижу своего тела. И я его не чувствую, как будто я уже превратился в чистый разум. Но это не так, потому что я могу скосить левый глаз вправо и вниз и увидеть собственный нос. Это все, что осталось доступно моему восприятию от меня былого. И такая ностальгия меня охватывает, такая печаль и нежность, когда я гляжу на свой нос, что хочется запла-

кать. Так он мне дорог, как память о чем-то прекрасном и утраченном. Хотя это все глупости.

— Ну, нос и нос, — пытаюсь здраво рассуждать я. — Что здесь такого? Это не более чем привычка. Люди всегда цепляются за свое прошлое, если даже там не было ничего достойного.

И вот, разглядывая от нечего делать свой нос, я сегодня вдруг обнаружил странное явление. Я могу проникнуть в «Мир миров». Точнее, я это уже делал много раз. Сам того не замечая, я, думая об устройстве этой великолепной программы, подключался к ней. Можно сказать, что я ее взломал. Дело в том, что в прошлом я, без ложной скромности, был лучшим хакером в городе (если не в стране), и для меня, в принципе, не проблема взломать все, что имеет потенциальный доступ и защиту. Но ломать «Мир миров» я не собирался. Это вышло случайно: процессор, к которому я подключен, помог мне совершить взлом. Такова его роль — он должен предугадывать мои намерения, воплощать их в зародыше.

Но только сейчас, глядя на свой нос, я вдруг понял, что мой разум в «Мире миров». Первой реакцией был испуг. Меня же отключат и посадят в тюрьму! — запаниковал я. У меня и так срок условно, и теперь я не отделаюсь согласием сотрудничать. И все, крушение надежд, «Мир миров» закрыт для меня навсегда...

Но профессиональное любопытство взяло свое. Я пораскинул мозгами и придумал, как отовратиться, если взлом обнаружат. А пока что, решил я, погляжу, что там, что видят эти тысячи в своих виртуальных сказках.

Для удобства я закрыл глаза и сосредоточился на архитектуре программы. Конечно, я не мог видеть то, что видят подключенные — мы их называем «коннектами». Никаких чудес, невероятных пейзажей, нарушений законов физики, полетов, поразительных приключений, исполнения волшебных желаний. Для этого мне пришлось бы перенести свое сознание в мозг подключенного, иначе говоря, завладеть его нервной системой. Но таких технологий не существует, и я вынужден был довольствоваться квантовым кодом. Нескончаемый поток цифр говорил мне о том, что в мире конкретного человека что-то происходит. Расшифровать квантовые суперпозиции крайне трудно, всегда присутствует неопределенность, поэтому никто и никогда не сможет сказать точ-

но, что происходит в мире того или иного коннекта. Только он сам, отключившись и вернувшись в эту реальность.

Ради смеха я решил разыскать мою бывшую девушку. Она бросила меня из-за «Мира миров», и тогда мне было совсем не смешно. Я ползал перед ней на коленях, плакал, умолял, клялся, что завяжу с кодами и перестану употреблять стимуляторы, но все напрасно, она не верила, потому что я ей это обещал уже много раз. Она стояла надо мной и тоже плакала, и черная тушь текла по щекам. В конце концов, развернулась и ушла, а я остался лежать на полу, дрожа в амфитаминовом дурмане, и в голове моей мысли о ней путались с обрывками программного кода. Она подключилась к миру, где была виртуальная копия меня, но хорошего меня, такого, с каким она мечтала провести жизнь, завести детей, строить быт. Дети, правда, тоже были виртуальные, как и быт, но она не знала этого, потому что выбрала вечное подключение — с подменой памяти.

И вот теперь меня охватило страстное желание подглядеть, как ей там живется, хотя я и понимал, что ничего, кроме кода, увидеть не удастся. Это как подглядывать в щелочку за занимающимися любовью: кровати на видно, а только тусклый свет и тени. А что там и как, ни за что не разберешься. Четыре года — это огромный срок для «Мира миров». За несколько секунд в реальном времени там проходят десятилетия. А годы — это почти уже вечность. За это время, злорадно подумал я, она уже наверняка придумала так, чтобы я умер, и завела себе сотни миллионы других мужчин!

Я нашел ее не сразу. Куда бы я ни прыгал, попадал либо в пустоту, либо на новичка. Несколько раз я был уверен, что нашел ее, но опять оказывался в полной цифровой тишине. Я решил попробовать подключиться к другому «старичку», предположив, что в ее модуле какой-то сбой. Если это сбой, то «Мир миров», узнай об этом общественность, понесет огромные потери! То есть человек заплатил огромные деньги, лежит в капсуле, а ничего не происходит. Иначе говоря, он просто в коме.

Но все старички, к которым я подключался, так же отзывались пустотой. Ничего, никакой реакции. И тут я заподозрил, что корпорация «Мир миров» занимается глобальным обманом. На каком-то этапе, понял я, они просто отключают от програм-

мы клиентов, чтобы экономить энергию (еще бы, расход энергии на обсчет виртуальных реальностей просто колоссальный!).

— О, жулики! — воскликнул я. — О, сволочи! Чтобы избежать банкротства и полного закрытия вы пойдете на все мои условия. Я вытрясу из вас миллионы на благотворительность, а потом, боясь огласки, вы переподключите всех, как надо, в том числе и меня!

Надо было проверить, в какой конкретно день отключают «старичков», и я стал подключаться к сравнительно более молодым. К моему удивлению, резкого отключения ни у кого не было. Наоборот, цифровая активность угасала постепенно, и в какой-то момент — у всех разный — прекращалась полностью. Поток цифр, сперва очень плотный, с течением времени становился все реже и реже. Фактически с самого начала коннекты после короткой вспышки бешеной активности потихоньку сокращали свою мыслительную деятельность до нуля. У кого-то раньше, у кого-то позже, но после нескольких лет в «Мире миров» сознание замирало.

Это могло означать только одно. Люди сами выбирали безмолвие. Полную и окончательную тишину, отсутствие всяких мыслей.

«Вот она, нирвана», — с ужасом подумал я. И спустя секунду закричал:

— Мать вашу! Чертовы уроды! Быстро сюда, отключайте меня на хер!

Я кричал изо всех сил, не разбирая слов.

Спустя пять минут прибежал встревоженный дежурный. В растегнутом халате, рубашка торчит из штанов, ботинки не зашнурованы. Видно, что спал.

— Что? Что случилось?

— Отключайте меня быстро от вашей гребаной системы!

В общем, поднял я тревогу. В ту же ночь съехались все главные люди корпорации и пытались дружно меня отговорить. И аргументы у них были веские. Но я настоял на своем.

Короче, меня отключили. И в «Мир миров» я уже никогда не смогу попасть. Я не буду летать, как птица, и плавать как рыба, бегать наперегонки с дикими зверями, лежать в грязи под тропическим ливнем, вдыхать ароматы дремучих лесов, спать под открытым небом и просыпаться в росе и бабочках. Я не смогу

наслаждаться своей силой и здоровьем. За отключение мне пришлось заплатить высокую цену — в смысле здоровья. Левая часть тела у меня работает очень плохо, кроме глаза. Нога еле двигается, рука вообще нет, ухо не слышит.

Закрывать «Мир миров» не вышло — в суде они доказали, что прекращение ментальной активности — это бессознательный выбор клиента, и корпорация ответственности за него не несет. Так уж оказалось, что человек предпочитает вести растительный образ жизни, если дать ему такую возможность. Говорят, древний грек Пиррон учил, что подлинно безмятежная жизнь возможно только по достижении афазии — полного внутреннего и внешнего безмолвия. Не знаю, может он и прав: про старичков нельзя сказать, что они несчастливы. Они как цветы под солнцем, есть свет — они живы, и им больше ничего не надо. Они освободились ото всех усилий, от всего, что требовало малейшего напряжения и расхода энергии.

После этой истории мои отношения с компьютерами серьезно испортились. Мне даже думать противно обо всем, что с ними связано. Поэтому свободное время, а у меня его много, я посвящаю не виртуальной реальности, а реальной. То есть просто гляжу в окно: на улицы, на дома, на прохожих, на далекое небо. И мечтаю о возможности летать.

ЧУДЕСНЫЙ МИР

Океанское дно заставлено огромными саркофагами. Они чем-то похожи на Сфинксов, только металлические. Те, которые постарше, побурели, обросли водорослями и кораллами и больше уже напоминают подводные скалы. Свет от них почти не отражается. Но новые саркофаги блестят на солнце и производят странное впечатление, особенно если знаешь, что там внутри. Я иногда представляю, что в далеком будущем сюда прилетят инопланетяне. Вот они будут удивлены, когда разгадают тайну саркофагов.

На самом деле это контейнеры. В них упакованы люди, тысячи в каждом. Они живы, но спят вечным сном, в темных тесных капсулах, опутанные проводами и трубками. Они видят чудесные

сны, они не знают, что лежат в этих контейнерах, прошлое стерто из их памяти. Конечно, саркофаги похожи на консервные банки в мертвой воде. Между ними уже давно никто не плавает. Думаю, что если в океане искупаться, то кожа слезет. Какие-то формы жизни есть, примерно те же, что могли существовать на ранних этапах эволюции Земли. Ну и, разумеется, бактерии и сине-зеленые водоросли. Эти, думаю, всегда будут живы. Бывает, я часами смотрю в мониторы, на которых серо-зеленая муть океанского дна и застывшие громадины саркофагов. Они не такие уж и древние, самым старым из них нет и ста лет, но мне кажется, что они свидетели вечности. Поэтому я сказал, что они похожи на Сфинксов. Ничего никогда не меняется, все одно и то же, только когда наступает ночь, экраны становятся черными.

Я смотрю в надежде увидеть, что между саркофагами кто-нибудь проплывет. Я не говорю о ките или дельфине, ясное дело, что их не существует, но пусть хотя бы маленький окунек мелькнет в солнечном луче, вильнет хвостиком и исчезнет в тени. Меня бы это очень обрадовало. Я бы возликовал, я бы наверно запрыгал от радости и закричал, несмотря на мои годы.

Но никто не проплывет. Еще нет таких рыб, которые жили бы в кислоте.

Боже мой, боже мой, вскрикиваю я, просыпаясь от кошмара. Мне опять снилось, что случилось землетрясение, и саркофаги медленно, как гигантские статуи, валяются на бок. Они падают, швы лопаются, и внутрь хлещет черная ядовитая вода. Подача энергии нарушена, люди просыпаются. Они задыхаются в своих гробах, так и не поняв, что происходит. Спасется ли кто-нибудь из них? Океан их убьет. А если даже кто-нибудь и выплывет, чем бы он дышал? Насколько мне известно, последние лет пятьсот никто не выходил из дома без специального шлема. Трудно поверить (почти невозможно!), что когда-то люди бродили по улицам просто так. То есть надел ботинки, куртку накинул и прямо так вышел на улицу. Идешь, кожа открыта ветру и лучам, дышишь. Вдыхаешь этот уличный воздух — и ничего, не умираешь в страшных мучениях через час, а идешь себе спокойно дальше, куда-нибудь на пляж. Снимаешь одежду и, голый, заходишь в воду. А когда возвращается — вся кожа на тебе, и еще ложишься на песок, чтобы полежать на солнце без опа-

сения заработать лучевую болезнь. Мне трудно поверить, что так и было, но документальные фильмы не врут. Книгам я бы еще не поверил, человек любую чушь может за правду выдать. Но это — про падающие саркофаги — всего лишь страшные сны. Если случится катастрофа, первым делом будет отключена система жизнеобеспечения, и люди умрут, не успев проснуться в реальном мире.

Почему же мне снятся эти падающие башни? Как-то от нечего делать я рыскал по электронным архивам и наткнулся на труды по психологии более чем тысячелетней давности. Там был раздел, посвященный анализу сновидений. Честно говоря, я давно так не смеялся. (Хотя я вообще не помню, когда в последний раз смеялся. Но дело в том, что все дети, так уж они устроены, иногда смеются. А я был ребенком, как ни трудно в это поверить, так что я наверняка тоже смеялся.) Так вот, почитав про сновидения, я смеялся до слез. Вышло, что падающие саркофаги символизируют фаллосы. Ну уж, а почему они падают, догадаться не сложно — учитывая мои годы. Но, отсмеявшись в седые усы и закашлявшись с непривычки так, что весь покраснел и глаза вздулись, я задумался: а вдруг и правда? Вдруг и правда на бессознательном уровне меня только секс и тревожит? Я сейчас написал, что вычитал эту чушь в архивах. Да, у меня есть несчетные терабайты информации, накопленной человечеством за несколько последних тысячелетий его существования. Чтобы осилить ее, мне надо бы жить пару миллионов лет. Не ясно, зачем ее хранили, кому она пригодится? Может, тем самым маловероятным инопланетянам, которых я иногда представляю?

Я ведь даже не знаю, остался ли еще кто-нибудь кроме меня на Земле. Те, в саркофагах, не в счет. В анабиозе люди живут намного дольше. Я слышал, что в капсуле человек может существовать несколько столетий. А уж в своем сне он проживает вечность. Одна секунда здесь превращается в столетия там. Но как бы долго они не жили, рано или поздно все равно придет конец. На что надеялись, на что рассчитывали создатели саркофагов? Этого я не знаю. Но, видимо, есть какой-то расчет. Не просто же так законсервировали человечество. Если нет возможности отличить реальный мир от нереального, можно ли

тогда сказать, что твой мир нереален? Вот о чем я думаю, глядя в мутные экраны.

Я тоже скоро подключусь к «Миру миров». Я стану молод, полон сил, здоров, я окажусь в живом зеленом мире, где смогу делать все то, что невозможно здесь. И я не буду знать, что когда-то сидел тут совсем один, в этой захламленной башне, в вечном сумраке, полубезумный старик. Я не буду знать, что мир ненастоящий. Значит, он будет настоящим. Я встречу там миллионы таких же сновидцев, как и я — молодых, счастливых, красивых. А может и несчастных — это не важно, ведь каждый сам выбирает себе мир таким, в какой хочет верить.

Но меня кое-что тревожит. «И все-таки, — думаю я и смотрю на свои трясущиеся руки. Кожа на них сухая, сморщенная, вены лиловые и надутые, как будто под кожей туннели. Мне хочется самого себя погладить по рукам, и сказать: «Не плачь, мальчик, ну что ты! Скоро все закончится». И мальчик во мне, тот самый, который, наверно, когда-то смеялся, доверчиво смотрит на меня и улыбается сквозь слезы.

«И все-таки, а вдруг каждый из нас, — думаю я, с удивлением замечая каплю на полу, — все равно — там, в «Мире миров», — в душе остается безумным стариком? Это-то куда денешь, если стал таким?»

— А что же ты не подключился давным-давно? Кто тебя держал? — спрашиваю я и вижу себя более молодым — строгим таким, с надменным взглядом.

— Так, а кто следить за саркофагами будет, чтобы все в порядке? — заискивающе отвечаю я старый, глядя на себя молодого снизу-вверх.

— Ты это кому рассказываешь? Тут все на системе самообеспечения, ты не нужен! Ты вообще никому не нужен, даже себе!

— Но все-таки, на всякий случай, — продолжаю я канючить. — Проследить, чтоб в порядке...

— Ай, ладно! — Я раздраженно машу рукой и исчезаю, оставив себя старого, к моему облегчению, одного.

Да, говорю я тут, уже сам себе, пора, пора подключаться! Пока я совсем не свихнулся. Я сам не понимаю, что меня держит. Это и в самом деле унылое существование. Зброшенные пыльные комнаты и коридоры, сломанная кровать, на которой я мучаюсь

бессонницей — с бельем, последний раз менянным, дайте подумать, когда... Да, пятнадцать лет назад, на мой юбилей. После я уже перестал фиксировать праздники и круглые даты. Одни и те же консервы каждый день... Хотя и к еде я давно стал равнодушен. Чем я занимаюсь тут? Сажу у мониторов, смотрю на неизменную зеленую муть и глыбы саркофагов. Я как бы контролирую, все ли в порядке, но он прав, давно мог бы уже подключиться, ведь все будет работать и без меня. Теоретически контейнеры обеспечены энергией навечно, если только вдруг солнце не погаснет или вода из океана не испарится. Я даже не знаю, остался ли на свете еще хоть один наблюдатель, кроме меня. Коммуникатор молчит так давно, что на нем вырос толстый слой пыли. Последний раз я пользовался им, когда мне звонил начальник.

— Прощай! Я подключаюсь, — сказал он бодро. — Как будешь готов, следуй за мной. Может, увидимся в лучшем из миров.

— Как думаешь, — спросил я, — а мы там узнаем друг друга?

Некоторое время он молчал. Я даже подумал, что он отключился.

— Какая разница? — наконец ответил он.

— Скорее всего, нет. Ну, может, и будет нечто, вроде дежавю...

И он отключился. Я тогда понял, что испортил ему настроение своим неумным вопросом. Я не стал спешить. Я был молод и сказал себе уверенно: еще поживу в реальном мире! Странно, но у меня была надежда, что все наладится. В каждодневном пути из моей комнаты в пункт наблюдения и обратно я прохожу мимо предназначенной для меня капсулы. Всего-то дел — на пять минут. Снял одежду (можно даже не мыться, ха-ха), лег в позу эмбриона, нажал кнопку. Сначала будет неприятно, в нос, рот и во все другие отверстия полезут трубки, я буду задыхаться и стонать от боли, но прежде чем станет невыносимо, я вдруг окажусь в другом мире.

Это будет дивный, прекрасный, живой мир! Я уже давно выбрал в программе подходящую для себя виртуальную реальность. Там будут леса, дикие животные, птицы, реки и моря с рыбами, холодный сильный ветер, к которому можно стоять лицом и вдыхать его полной грудью. Конечно, какие-то коррективы программа внесет после подключения — она настроится на мое сознание и сделает мир таким, чтобы я верил в него. Очень важно, чтобы

подключенный полностью доверял происходящему в виртуальной реальности. Моя память сразу изменится, и я буду считать, что всегда жил там. Кто знает, может, и встречу там кого из старых знакомых... Но это, конечно, вряд ли — у людей слишком разные сознания и ожидания, поэтому «Мир миров» для каждого конструирует свой мир. Так что, скорее всего, я там буду общаться с виртуальными персонажами.

И тут я покрываюсь холодным потом. Я думаю: а вдруг я уже давно подключился? И «Мир миров», просканировав мое сознание, определил как самую оптимальную для меня вот такую вот реальность? Эти вот мрачные коридоры, сломанную кровать, зеленые мониторы... Что тогда делать? Подключиться снова? Но и там, в новом мире, будет все то же самое. И так до бесконечности. Может, я уже целую вечность подключаюсь, да выбираю все одно и то же... Меня серьезно тревожит такой исход событий, потому что он очень вероятен. Я уже достаточно старый для того, чтобы понимать — меньше всего на свете мы знаем, чего на самом деле хотим. А «Мир миров» знает. Но не это меня останавливает. Не поэтому ли я каждый раз убыстряю шаг, проходя мимо капсулы, как будто боюсь, что вдруг захочу в нее лечь? Меня, как это ни смешно, пугает то, что тот виртуальный мир все-таки не настоящий, он не реальный. И что бы ни испытывали миллионы этих людей на океанском дне, в действительности они все лежат в контейнерах, опутанные трубками, как состарившиеся младенцы. Но только они не в утробе матери, и родиться им не суждено. Проснуться для них — значит, умереть.

Но ты же не будешь этого знать — в том, лучшем из миров, — говорю я сам себе. — Хватит мучиться, хватит этого убожества, пожалей сам себя! Надеяться не на что, ничего не изменится. А то того и гляди умрешь внезапно, не успев подключиться. Да, я хорошо понимаю, что надеяться не на что, в этом мире едва ли что может случиться. Чудес не бывает. Хотя почему не бывает? Ведь, если так подумать, «Мир миров» — это же и есть чудо. Уже в детстве я знал, что «Мир миров» обещает лучшую реальность. В рекламных целях всех желающих подключали бесплатно — на короткое время, всего на какое-то мгновение. За этот миг человек успевал прожить там многие дни. Редко кто сам отключался — никто

не хотел возвращаться оттуда сюда. Правда, это был не совсем автономный мир — люди, находясь в нем, помнили, что есть еще и реальный. Для тех же, кто хотел подключиться навсегда, предусматривались замена памяти и корректировка виртуальной реальности в соответствии с желаниями, надеждами и мечтами клиента. Но корректировка проводилась так, чтобы клиент верил в реальность происходящего. Скажем, в рекламном подключении клиент мог летать, как птица. Но не факт, что это возможность сохранялась и при полном подключении — ведь это штука, очень неправдоподобная, прямо противоречит законам физики. И если человек не совсем дурак, через некоторое время он заподозрит, что мир не настоящий. «Мир миров» это все учитывал и строил для каждого свою, максимально внушающую доверие данному человеку реальность. Но не было способа узнать, что же на самом деле видят те, кто подключился навсегда. Они больше не просыпались, чтобы рассказать о своей жизни. Ходили слухи о каком-то отключившимся вдруг мальчике, но уж не знаю, что он рассказывал, и правда ли это.

Иногда я смотрю не в экраны, а на небо. Сквозь покрытое ядовитой пылью окно. Оно то серое, то голубое, то фиолетовое. Звезд не видно из-за слоя грязи на стекле. Я смотрю и воображаю, что по небу летят птицы — косяки гусей. Когда настроение не очень, я представляю одинокую ворону. Конечно, никто там никогда не пролетает. Птицы не существуют. На это стекло даже муха ни разу не села. Хотя как бы я рад был завести себе питомца — какого-нибудь паучка в углу комнаты! Я бы заботился о нем, кормил отборными комарами и мушками (если бы они были!) Я бы беседовал бы с ним о литературе, философии, политике, театре... Да обо всем. Я рассказал бы ему, например, про беднягу Робинзона Крузо. И читал бы ему вслух. Впрочем, поднялась бы у меня рука убивать мух и комаров, чтобы накормить моего паучка? В этом-то моем мире? Так что на самом деле хватило бы и небольшого цветка в горшке. Да, в плане духовности цветок, конечно, уступает паучку. Паучок хотя бы как-то реагирует на происходящее, цветок же растет себе и все. Но все же он живой! Как и я. Поэтому мы были бы не просто друзьями, но и родственниками — самыми дорогими друг для друга на всем свете. Ведь, кроме нас, нико-

го больше нет. И уж беседовать я с ним мог бы ничуть не хуже, чем с паучком. Паучок может уползти куда-то, исчезнуть (вот горе-то!), а цветок всегда со мной. Доброе утро! — говорил бы я ему, поливая и проверяя, достаточно ли ему света сегодня. Затем садился бы у монитора и начинал разговор — обо всем, что в голову придет. О, есть многое, о чем я мог бы поведать — только бы было кому! А вечером: доброй ночи. И касался бы едва — легко и нежно — лепестка своими сухими пальцами. Может быть, и поцеловал бы!

Тут я начинаю нервничать, невольно хватаюсь за лицо и тру лоб. Я вдруг представил, что в тот момент, когда я наклоняюсь, чтобы поцеловать цветок, становятся заметны подсохшие, больные листья. Господи, боже мой! Я же ничего не смыслю в цветах, как ухаживать за ними, что делать? О если что-то случится с ним, о, если случится, я не переживу! Я не захочу это переживать! Я хватаюсь за сердце, и его боль отзывается в нижней челюсти. Но у меня есть гигантская библиотека — все знания человечества к моим услугам! Дай только время, и я найду, там же обязательно есть про цветы, там не может не быть! Я не сомкну глаз, я буду сидеть день и ночь, я сделаю все, что в моих силах! Тут я понимаю, что разнервничался дальше некуда, как будто у меня и в самом деле есть цветок. Сижу, скрючившись, коленки друг о друга стучат. А как бы я его назвал? О, как-нибудь красиво, по-эльфийски, что-нибудь вроде Эллалиодоробор! «Хватит! — говорю я сам себе. — У тебя нет цветка. И никогда не будет!» — «Почему же? Да сколько угодно, стоит только к «Миру миров» подключиться... А там они тебе уже не понадобятся, ха-ха! Но ты прав, подключайся. Не тяни, пока не умер или с ума не сошел. Потом поздно будет».

Да, соглашаюсь я мысленно, потом поздно будет. А мне каждое утро все труднее вставать. И все хуже, честно говоря, я соображаю. Забывчивый стал, рассеянный. Иногда впадаю в какое-то странное оцепенение — замираю вдруг на месте, как будто выключаюсь, и сижу так подолгу. А потом, как очнусь, не помню ничего — что делал, о чем думал? Но не спал вроде. Боюсь, что скоро настанет время, когда я просто не смогу встать, чтобы дойти до капсулы. Это будет совсем плохой расклад. Уж знаю — такова человеческая природа: как только

я пойму, что до капсулы мне не добраться, я стану желать этого сильнее всего на свете.

Но сегодня утром я не встал, а вывалился из кровати. Плохо дело, — сразу понял я. Это ясный знак. Думать больше нечего. Решение принято. Что надо сделать, прежде чем уйти из этого мира? Как с ним попрощаться последнему человеку? Мне немного стыдно, я вдруг понимаю, что не гожусь на роль последнего человека. С этим миром человечество связывало столь многое, что нельзя взять и просто так вот уйти! Надо что-то сказать, подвести итог, сделать какой-то важный жест. Прощаться достойно. Хотя пришли-то мы просто так. Почему же уходить надо по-особенному? Я смотрю в окно и произношу (стараясь говорить внятно и четко): «Прощай, мир!» Но голос предательски скрипит и шамкает, зубов-то не хватает. О господи, кто бы мог знать, что мне придется высказываться за все человечество! Тут я понимаю, что все человечество — это и есть я. Смешно немного. Так вот, я встал с пола, после того как упал с кровати, и направился к капсуле. Я решил не выключать мониторы, и даже свет. Я понял, что у меня рука не поднимется это сделать. Да и зачем? Пусть горит, работает, рано или поздно само выключится. Хотя, может, надо? Я представил эти освещенные комнаты, мониторы работают — но никого нет. Я в позе эмбриона в капсуле. А свет горит. В мониторах проплывает зеленая муть. Нет, наверно, все-таки лучше выключить. И я прохожу мимо капсулы, направляясь в приборную. Там я сажусь привычно перед пультами с мониторами. Выключить сейчас, понимаю я, значит отрезать пути к отступлению. Если выключу, то уже не включу. Тогда останется только «Мир миров». Но это дивный, прекрасный мир, где можно будет все! Я стану молодым, и на этот раз получу то, чего у меня не было. Я буду путешествовать и любить. Да-да, много путешествовать и много любить. Не надо даже птичьих полетов в холодных высотах.

Я протягиваю руку к рубильнику, касаюсь его, жду чего-то пару секунд и убираю руку обратно. Нет, я еще подожду. Не знаю толком чего, но подожду. Если мы оказались в состоянии придумывать такие совершенные, чудесные миры, то почему свой, настоящий мир превратили в кошмар? Что-

то здесь не так. Причем еще до «Мира миров» люди только тем и занимались, что изобретали иную, лучшую реальность, да почти все книги, все фильмы про это. А у самих-то вот что вышло... Я устраиваюсь у монитора поудобнее, так, чтобы было видно еще и окно. Я буду наблюдать и ждать. Столько, сколько смогу.

